деньщикъ (Физіологическій очеркъ).

каждомъ человъкъ есть Говорять въ сходство СЪ тѣмъ или другимъ животнымъ – по наружности, по пріемамъ, собственно по лицу или даже по свойствамъ и качествамъ. Единственный Гранвиль неподражаемо **V**МЪЛЪ родъ схватывать сходство и отношенія эти и переносить ихъ карандашемъ на бумагу. Если бы у меня многотрудное умѣнье или искусство не отставало отъ вольнаго въ разгулъ и дешеваго воображенія, то я бы, кажется, мастерски нарисовалъ деньщика Якова Торцеголоваго въ видъ небывалаго, невиданнаго чудовища, составленнаго изъ пяти животныхъ; одного не достаточно, потому что достоинства Якова слишкомъ Верблюдъ, разнообразны. сутулый, неповоротливый, молчаливый — а подчасъ крикливый притомъ несносно И безотвътный работникъ до послѣдняго

издыханія; волкъ, съ неуклюкею но иногда смѣшною хитростью и жадностью своею дерзкій и неутомимый во время голода; песъ, полазчивый, върный, который лаетъ на все, что только увидить внѣ конуры своей; хомякъ, домовитый хозяинъ, запасными сумками за скулами, который полагаетъ, по видимому, будто весь міръ только, чтобы было ТОГО ДЛЯ откуда таскать запась и припась въ свою норку – и наконецъ: бобръ строитель, который всё мастеръ, всё умъетъ на сдълать, что нужно въ домъ, и хоть изъ грязи, да слѣпитъ хатку и живетъ по своему хорошо. Вотъ эти пять животныхъ – вотъ какой сложный звърь вышелъ бы у меня изъ Якова Торцеголоваго; – а чей хвостъ, чья голова, чьи руки и ноги у него, разбирайте сами!

Онъ попалъ въ деньщики по малому росту и сутолости, былъ сверхъ того лѣвша, любилъ на ходу глядѣть въ землю, махать руками, переваливаться и распускать около себя одежду повольнѣе. Изъ кармановъ шараваръ его и казачьяго кафтанчика

всегда почти висѣли концы нитокъ и бичевокъ; а на днѣ кармана лежали пробки, мѣлокъ, рожокъ или тавлинка, горсть гороха и другія подручныя принадлежности; а когда полкъ стоялъ въ южной Россіи, то во всѣхъ карманахъ у Якова, не исключая и жилеточныхъ, были разсыпаны для обиходнаго лакомства арбузныя сѣмечки.

нибудь какое стеклышко, отбитая обломокъ ручка, чашки отъ сургуча, или найденная гдъ нибудь петелка, гвоздь, крючекъ попавъ въ карманъ Якова, держались тамъ очень долго, по нѣскольку мъсяцевъ; шаритъ бывало по карманамъ, за чъмъ нибудь, попадется въ руки мълокъ, пробка или гвоздь — онъ поглядитъ на него, иногда еще попробуетъ на зубъ, не серебро ли, и положить опять на мъсто. Перебирая, отъ нечего дълать, ръдкости эти, Яковъ припоминалъ, гдъ и какъ онъ найдены или достались ему, по какому случаю попали въ тъшился такимъ образомъ карманъ, И воспоминаніями живыми своихъ похожденій. Въ этомъ скопидомствъ, вы Какъ конечно узнаете хомяка. твснаго,

такъ и короткаго платья Яковъ не могъ терпъть и говаривалъ, что онъ былъ этимъ испуганъ въ малолътствъ. Когда баринъ было ему однажды хотълъ сшить, мундира, куртку, стараго TO разревълся какъ верблюдъ, увъряя отчаяніи, что послѣ этого нельзя больше жить на свътъ. Онъ любилъ, чтобы все около него было и просторно и прикрыто, и потому предпочиталъ всякой иной одеждъ темнозеленый казакинъ со сборками; но обтяжку. Одинъ только не ВЪ или лацканъ этого облаченія кармановъ были обыкновенно надорваны, обшлага съ исподу вытерты на нить, до самой кисти, же, на ребро лацканѣ ВЪ торчмя, про всякой случай, затыкались булавки, съ боку претолстая \mathbf{a} видѣ укутанная ниткой цыфры 8. ВЪ Жилетка обыкновенно пользовалась преимуществомъ красной выпушки; козырькомъ обносокъ фуражка съ барина, — и сапоги своей работы довершали нарядъ.

На сапоги свои Яковъ любилъ глядъть безотчетно и засматривался нихъ по цълымъ часамъ, особенно когда были недавно вычинены имъ Тогда Яковъ вымазаны саломъ. охорашивался, сидя гдъ нибудь въ углу, повертывалъ предъ собою ногу и старался заглянуть подошву, подъ полюбоваться подметками. Онъ новыми себя время мурлыкалъ про ВЪ такое моя голубушка!» или «растоскуйся ТЫ зубы насвистывалъ другую сквозь заунывнуюпъсню

Яковъ служивалъ на въку своемъ всякихъ господъ, какъ увѣрялъ онъ, служиль върой и правдой. Первый баринъ его быль немножко безпокойнаго нрава, любилъ повеселиться, – но былъ очень скученъ на веселъ и крутенекъ. Угодить на мудрено; но Торцеголовый, было Бога, благодаря ладилъ И съ нимъ; плакался Яковъ на него, это правда, но плакался какъ жалуются, по привычкъ, на весь Божій свъть; а не то чтобы заправду, бѣду неминучую жалуются какъ на

общую извѣстную господъ-де, на извъстное дъло, не угодишь; господской работы не переработаешь; работа хоть день и ночь прибирай, не видная, ровно все ничего не дълаешь, а квечеру поясницу разломить и проч. а за тъмъ, въ утъшеніе себъ же, онъ приговаривалъ: чтожъ, извъстно на то они господа. Съ этимъ-то бариномъ, человъкомъ по чину на перекладныхъ; скакали, сломя голову, день и ночь, въ погонюза самонужнъйшимъ Можетъ время статься дъломъ. холодное, или безсонье одолѣло путника, или наконецъ его растрясло не въ мочь привычкѣ только онъ, ПО другой и подкрѣпился разъ, а тамъ и третій — да такъ крѣпко, что слегъ вовсе. У насъ принимаютъ вообще три степени этого отвлеченнаго состоянія: съ воздержаніемь, съ разстановкою и съ расположениемъ; при первой степени, одержимый можетъ еще пройти подлъ стънки, придерживаясь при второй, СЪ разстановкою нее; можетъ итти, если двое поведутъ его подъ

руки, а третій будеть разставлять ноги; при послѣдней же степени, съ расположеніемъ, одержимый располагается, гдв случится, гдъ припадокъ захватитъ его врасплохъ, и растянувшись BO ростъ весь безчувственно, такъ, что никакія силы не могуть болье воздвигнуть его на третьей степени Этой-то самозабвенія достигъ баринъ Якова, одной на станцій но помнилъ еще одно обстоятельство: что ему надо ѣхать, надо торопиться, погонять и драться. Баринъ Якова не былъ собственно дантистомъ, – какъ классически выразился Гоголь; - но подчасъ все-таки считалъ пріятнымъ долгомъ заняться по сей служебной части.

Между тъмъ на станцію входить какойпроъзжій и видить слъдующее: диванъ лежитъ, растянувшись во весь ростъ глаза, человѣкъ закрывъ довольно стройный; подлъ длинный И сидитъ стуль другой, въ темнозеленомъ казакинь, изъ кармана коего торчитъ каротенькая трубка и висить какой-то ремешекъ; этотъ человѣкъ звенитъ почтовымъ

колокольчикомъ, надъ головою соннаго, который по временамъ, въ свътлыя минуты, силится раскрыть кулакомъ замахнуться И заставляетъ суконный непослушный, языкъ грозное: пошелъ! прокричать И снова Проъзжій замахивается кулакомъ. предъ этой занимательной остановился живой картиной, спросиль вполголоса: что это такое? и Яковъ, продолжая звенъть, отвѣчалъ со вздохомъ: «да вотъ сударь, ъдемъ; другія сутки едакъ перестанешь звенъть, такъ дерется; пошолъ, говоритъ, да пошолъ; спроситъ водки — да опять пошоль; воть и *****демъ».

Долго ли коротко ли Яковъ съ бариномъ образомъ, и далеко такимъ **ѣх**али увхали — не знаю но этотъ способъ взды, докучливый для Якова оказался также вреднымъ для барина его, который, безконечныя поъздки пустившись ВЪ путешествія этого рода, - вскоръ волею Когда несчастіе Божіею помре. совершилось, бѣдный Яковъ TO Торцеголовый въ отчаяніи ударилъ руками

объ Онъ полы слезами. И залился пересчитывалъ и припоминалъ всѣ дурныя свойства и качества покойнаго, оканчивая однако же каждый разъ припъвомъ: «да все баринъ добрый былъ!» сердечный жалованьишко прогуляеть, ъсть нечего до трети – нътъ ли братъ Яковъ каши? да каши, сударь, нътъ, - крупы-то въдь немного отпускается, сами знаете; ну, говоритъ, такъ хлѣба ломоть отрѣжь, жалованнаго, казеннаго – добрый баринъ былъ! конечно, что правда, то правда, какъ подгуляеть бывало, такъ больно дерется... ну, на то они господа; а все баринъ былъ добрый»!

Чувствительность и добродушіе русскаго подобныхъ человѣка случаяхъ при всякаго уваженія. Напр. заслуживаетъ везуть знаменитаго, сановнаго покойника, выскочившія бабы, толпой, любопытствомъ повздъ, смотрятъ на пожалуй заплакать, И готовы потому, кто какъ съумъетъ направить ихъ участіе. «Да это кто же»? спрашиваетъ покойникъ, одна: «ЭТО тотъ И тотъ,

извъстный на всю Россію человъкъ». Охъ, онъ батюшка мой родной, сердечный... а это что же вонъ ъдетъ за нимъ?.. Это называется печальная колесница, это карета покойнаго... «охъ, она, моя матушка, голубушка...», и баба, забывъ отъ избытка участія покойника, готова горько плакать надъ каретой!

Яковъ побъжалъ объявить смерти барина своего адъктанту – и сказалъ ему предлинную чувствительную рѣчь, которой смысль — по отрывистому расположенію думъ Якова – трудно выразить, но въ коей повторялось: нѣсколько разъ **«власть** Господня, всѣ мы подъ Богомъ ходимъ, покуда грѣхамъ нашимъ терпитъ – меня, сударь, извъстное дъло, больше нътъ, окромъ родныхъ васъ, больше заступиться за меня не кому».

Адъктанта этого Яковъ причелъ въ родни, потому, что тотъ болѣе другихъ знался съ бариномъ его и часто дружески его журилъ, стараясь убѣдить, что изъ него могъ бы вытти очень порядочный человѣкъ, еслибъ онъ не обращался слишкомъ часто

въ скотину. Тогда бывало и Яковъ, простоявъ во все время такой рѣчи у дверей и переступая спокойно съ ноги на ногу, принималъ слово, по уходѣ адъктанта, и читалъ барину наставленія, въ родѣ слѣдующихъ:

«Ну что, сударь, бросьте, – ей Богу бросьте, они правду говорять. Отъ этого что хорошаго будеть – ничего не будеть; вотъ намъдни вы изволили заснуть передней на лавкъ – а тутъ въ потьмахъ васъ завалили было шинелями; что добраго, такъ бы и задохлись; въдь я насилу васъ вытащиль; право сударь, въдь цѣлый ворохъ шинелей накидали на васъ, а ужъ вы безъ памяти изволили быть; или вотъ хоть на той недълъ какъ изволили господами гулять, да кучеръ Ивана Марковича свалилъ васъ въ одни пошевни, развозилъ васъ по домамъ; – подъѣхалъ къ фатеръ Яковъ, вашей кричитъ: И Яковъ, – поди барина, возьми своего говоритъ. Я вышелъ, а вы еще изволите упираться, а тамъ и драться, не тронь, говорите, не подымай меня, не твое дъло.

Ну чье же, сударь, дѣло, коли не мое? Извѣстно уже, коли я не присмотрю за вами, такъ кто же приглядитъ? Не хорошо, сударь, воля ваша, что-этакъ то хорошаго будетъ? Ничего не будетъ!»

по внезапной смерти барина, Когда, пришли описывать и опечатывать имъніе его, то Яковъ изъ усердія къ покойному, заступился за такъ называемое имъніе это и не хотълъ допустить никого; за это попалъ онъ подъ караулъ и чуть не было еще хуже. Что онъ думалъ въ это время, какъ могъ отстаивать мундиръ и панталоны покойнаго барина силой, — ЭТОГО не МОГЪ онъ объяснить толкомъ никогда; HO отговаривался и оправдывался впослъдствіи «извѣстно-де, только, что, тѣмъ покойника заступиться некому, какъ же мнѣ не беречь господскаго добра?»

Относительно правъ собственности, у Якова Торцеголоваго были вообще особенныя понятія, кои требують нѣкотораго поясненія. Нельзя сказать, чтобы онъ дѣйствовалъ всегда на правахъ волка — но, давно сказано: гони природу въ

ВЪ окно. Онъ, дверь, она влетитъ BOдошелъ умомъ, первыхъ, своимъ до основныхъ понятій философіи Канта, тъмъ только различіемъ, что употреблялъ, всеобщемъ раздѣленіи вселенной, число, вмѣсто множественное единственнаго; весь міръ распадался для него на двѣ половины: на мы и не мы. Мы, это были для него самъ онъ, съ бариномъ своимъ, и со всъми своими пожитками; не *мы* — это были всѣ прочіе господа — весь видимый міръ. Въ болѣе обширномъ смыслѣ, мы означало также свою роту, баталіонъ или даже полкъ; а въ самомъ пространномъ значеніи, мы принималось въ смысль: вся армія, всь военные, и тогда мы было тоже, что пріятель не мы непріятель.

За тѣмъ, обязанности Якова, какъ человѣка, христіанина и служиваго — были въ глазахъ его тѣмъ священнѣе и ненарушимѣе, чѣмъ тѣснѣе можно было примѣнить къ вопросному случаю понятіе мы; но онъ потакалъ самъ себѣ тѣмъ болѣе въ произвольномъ примѣненіи этой истины,

чѣмъ шире становилось философское понятіе; не признавая за собой уже почти обязанностей, никакихъ предълами, за основнаго понятія; тутъ этого обращался въ волка, съ ногъ до головы; туть онь вступаль уже, какь полагаль, по всъмъ правамъ, въ непріятельскую землю и понималъ своимъ умомъ буквально и очень изрѣченіе: бей И маленькаго, выростеть — непріятель будеть!

Воръ – слово постыдное ВЪ глазахъ Якова; воръ былъ у него тотъ, – кто готовъ быль обокрасть барина своего или собрата, сотоварища, кто воруетъ у той половины вселенной, которую Яковъ называлъ мы и наше. Яковъ плюнетъ на такого человъка и отойдетъ. Но если бъ вы сказали ему, что и самъ онъ воръ, потому что въ хозяйствъ его находится не купленный ухвать, взятая гдѣ-то мимоходомъ сковородка; сапоги, стоющіе рубля четыре, и купленные по извъстнымъ причинамъ за двугривенный – то Яковъ выпучилъ бы на васъ глаза и съ чистъйшею совъстію покачавъ головой, сослался бы на барина своего и на весь

полкъ: они-де знають его, Якова, какъ человъка, котораго можно обсыпать золотомъ и онъ ничего не тронетъ. За тъмъ онъ, смотря по обстоятельствамъ, или разбранилъ бы клеветника своего въ глаза, или сказалъ бы: Богъ съ нимъ; обидъть, извъстно, можно всякаго человъка, хоть кого угодно — Богъ съ нимъ.

бѣды и напасти, TO есть, изъ заступничества послѣ острога, покойнаго барина, имущество выручилъ другой баринъ, который взялъ его въ деньщики. Яковъ объщалъ и тому служить върой и правдой, и сдержалъ, по своему, слово. Онъ, можетъ быть избытка усердія, попадалъ иногда просакъ, но не смущался этимъ, зная разъ навсегда, что на господъ не угодишь. Однажды онъ вычистилъ золоченыя пуговицы кирпичемъ; онъ положилъ другой разъ четверть фунта корицы супъ, утѣшить барина полагая французскимъ столомъ; онъ, по ошибкъ, заправилъ щи, вмъсто уксуса, ваксой, видно бутылочки объ стояли рядомъ; онъ

завязанный узелокъ, съ положилъ плохо въ барскій чемоданъ и толченою солью пересолиль бълье и платье насквозь; онъ на свътло-сърую шинель барина заплату оливковаго цвѣта, положилъ бѣлыми пристегавъ ee нитками; дергалъ, отъ избытка усердія, съдой волосъ боброваго воротника; онъ выскребъ, опрятности, столъ краснаго ДЛЯ косаремъ, потому что у перваго барина его не было такого домашняго обзаведенія, а были столь и лавки простые, какіе въ деревнѣ случались. Становился ЛИ умнъе, послѣ каждой изъ подобныхъ продълокъ – этого не знаю но онъ видълъ только въ неудовольствіи барина каждый подтвержденіе важнъйшей разъ новое статьи, изъ опытной премудрости своей что-де извъстное дъло, на господъ угодишь; но не сердился нисколько, когда подобныя бранивали продълки, за потому что и это-де извъстное дъло, безъ того нельзя, чтобы не побранили, на то они господа.

Бывало Яковъ собирается писать домой письмо; тогда онъ ходитъ нѣсколько дней призадумавшись, забываетъ дѣло отвѣчаетъ невпопадъ. Напримъръ: Яковъ! — молчокъ. — Яковъ! — сей часъ сударь. – Яковъ, что ты не идешь, когда я зову? – Да тамъ нельзя было бросить и дълалъ? отойти... — Что же ТЫ Собирался было руки помыть... Письмо кръпко озабочивало Якова, И случалось никакъ не болъе одного двухъ разъ въ годъ, но за то онъ въ это время жилъ душою дома, гдъ не бывалъ уже лътъ около двадцати. Письма этого пишутся, рода, извъстно. какъ отъявленными писаками, заказъ, раздъляются, по цънъ, на два или три разряда, смотря по тому полные ли, или неполные посылаются поклоны; Яковъ не противорѣчилъ однако же и тому, когда одинъ заказной плутъ, изъ писарей, взялъ съ него лишнюю гривну, за то, что полкъ перешелъ далъе и что письмо Якова теперь далеко пойдетъ. Полные или не полные поклоны, смотря по количеству финансовъ

Якова, - если онъ не рѣшался упросить кого-нибудь написать письмо въ долгъ составляло вообще самое существенное различіе этихъ писемъ, въ которыхъ однако же всегда говорилось нъсколько словъ о баринъ. Человъкъ двадцать родныхъ было еще у Якова – рускій человъкъ безъ нихъ не живетъ – и онъ отписывалъ каждому порознь и поимянно милостиваго государя любезнаго, государыню возлюбленнаго, вселюбезнѣйшаго затьмъ нижайшій, глубочайшій, усердный, преусердный другаго разбора или поклонъ; – называлъ себя мы, сестру или брата вы, испрашивая у родителей, дядей, тетокъ и проч. у каждаго порознь, ихъ родительскаго родственнаго или благословенія, на вѣки нерушимаго, прибавляя: а о себъ скажу, что благодаря Бога, живы И здоровы обрѣтаемся, чего И вамъ желаемъ И вседневно И всечасно Создателя \mathbf{y} ВЪ горячихъ молитвахъ испрашиваемъ, обычнымъ приличнымъ заканчивалъ И оборотомъ: уважаемый вами – такой-то.

Онъ иногда вставлялъ еще гдѣ нибудь извѣстія о здоровьѣ или нездоровьѣ своего барина, говорилъ: что мы—де съ бариномъ собираемся жениться и проч.

Разговорный языкъ Якова также отличался галантерейностію своею и часто смъшилъ людей. Онъ поздравлялъ барина и офицеровъ собственными съ другихъ имянинами: «Ваше благородіе, своими имѣю честь проздравить, я имянинникъ;» онъ говорилъ изъ вѣжливости: «я изволилъ вамъ докладывать, или вы изволили мнъ доложить»; раздѣляя весь видимый міръ, по теоріи Канта, на мы и не мы пріятелей и не пріятелей рѣдкомъ человъкъ относился равнодушіемъ, или даже со спокойствіемъ и большею частію горячо вступался за людей, или бранилъ ихъ безъ пощады. Кто хорошъ, тотъ былъ для него золотой и хорошъ безъ мъры; а кто досадитъ, тотъ уже никуда негодился отъ козырька закаблучьевъ. Замъчательны были, въ сихъ и подобныхъ случаяхъ, доводы и причины Якова, коими онъ оправдывался

бариномъ своимъ, ИЛИ посторонними Напр. Якову досталось однажды съъздить куда-то, на лошади сосъдняго помъщика Губанова; лошадь не показалась Якову, или пристала, что ли дорогой — и съ этого времени онъ придумалъ, для брани, поговорку: «а чтобъ тебя съ Губановымъ на пристяжку пустить!» Когда нашлись люди, которые замътили Якову, что не хорошо браниться такъ и не кстати, отвъчаль: «Помилуйте, сударь, что туть не браниться, я, власть ваша, никого займаю — а только послѣ этого ужъ и на свътъ жить нельзя.» Не ходи ты, Яковъ, съ бреднемъ по этому озеру – сколько разъ тебъ это добрые люди говорили – ты плавать не умѣешь, а ТУТЪ омутъ «Ничего, сударь, – отвъчалъ Яковъ, – что же дълать, власть Господня, вотъ и намедни въ Грачевкѣ мальчикъ эдакъ же утонулъ»... а за тѣмъ, въ тотъ же день вечеромъ опять таки отправился съ бредникомъ на озеро.

Замъчательное и преполезное, для барина его, свойство Якова заключалось

еще въ томъ, что онъ былъ вездѣ дома, куда бы не пришелъ. Здравствуй, хозяйка; хозяинъ, здорово, И **3a** тѣмъ перекрестившись, протягивалъ руку кочергой, ухватомъ очищалъ, И гдѣ слѣдовало мѣсто, себѣ и барину, зналъ по навыку, гдѣ найти чуланъ, коморку, клѣть, и чего и гдъ тамъ искать; какъ задобрить застращать хозяйку, чѣмъ угодить хозяину – и между-прочимъ зналъ также такое слово, отъ котораго дружился съ каждой собакой, какъ только шагнетъ на дворъ. Отчего на тебя, Яковъ, и собаки не лають? спрашивали у него бывало, и онъ отвъчаль, смотря по расположенію своему «онъ мнъ всъ свои, я всъхъ ихъ знаю» – или: «а что ей лаять — не видала что-ли она человъка?» Онъ всегда давалъ собакъ кличку по шерсти, съ первой встрѣчи, спориль съ хозяиномъ, если тотъ увърялъ, это не сърко, а куцый; и куцый, повидимому, соглашался съ этимъ и охотно бъжалъ на зовъ новаго пріятеля.

Извъстно, что календарь нашего крестьянина отличается по способу

выраженія отъ нашего: мужикъ знаетъ мѣсяцы и числа, но знаетъ хорошо заговънья, сочельники, избирая болѣе праздники, святыхъ И замѣчательные быту его сроки, ВЪ обозначаетъ ихъ сими названіями. У Якова быль свой календарь, довольно понятный его кругу: время назначенія новыхъ фельдфебелей, капраловъ, ротныхъ, батальонныхъ, полковыхъ, бригадныхъ корпусныхъ наконецъ командировъ; смотры, постройка или прогонка амуниціи, лагерь, ученье, перемъна стоянки, марши, походы, дневки, привалы, — и наконецъ событія замѣчательныя ВЪ ротѣ, баталіонъ, въ полку: такой-то арестантъ бѣжалъ; такой-то солдатъ сломалъ прикладъ ружья, потерялъ штыкъ; тому или другому награда, такой-то дана такой-то произведенъ умеръ, чиномъ, переведенъ, вновь опредълился И Воть эпохи, по коимъ Яковъ опредъляетъ прошедшее; для настоящаго, ему не нужно было календаря, потому-что оно пролетало мимо его, какъ мимо всъхъ насъ; а для

будущаго, потому, что онъ все будущее предоставляль Богу и говориль только: дасть Богь будеть то и то – авось воть дождемся — и зналъ кромъ того четыре времени года, какъ всѣ пять пальцевъ. Ведро и ненастье, тепло и стужу, измърялъ и опредъляль онъ также по своему: дворѣ холодно, хоть ружье въ избу поставь, такъ развъ чуть только отпотъетъ; на дворъ морозъ, лошади на конюшнъ всю сыро, барабанъ видно протопали; слышно; жара такая, что за козырекъ рукой нельзя взяться; такой дождь, что ломоть хлъба изъ пекарни подъ полой сухимъ не донесешь домой и проч. Честенъ былъ Яковъ по-своему, о чемъ мы уже говорили; честенъ и неподкупенъ для себя, для своего барина, роты, баталіона, полка, но чъмъ дальше и шире расходился этотъ кругъ, тъмъ жиже становилась честность нашего Якова и на самыхъ предълахъ перехода видимаго міра изъ *мы* въ *не мы* - она была до того мутна, что терялась вдали, какъ сърый туманъ, безъ лица, безъ цвъта и безъ образа. Чтобы употребить другое, можетъ-

быть болѣе удачное, подобіе, скажемъ, что честность его расходилась отъ него во всѣ стороны клиномъ и оканчивалась, въ извѣстномъ или неизвѣстномъ разстояніи, будучи снята на нътъ.

Таковъ былъ Яковъ, и таковы будутъ наши, по-крайней-мъръ Яковы большинство ихъ. Мастеръ и доточникъ, источникъ, на всякую домашнюо потребу, онъ чинилъ сапоги, платилъ, какъ видѣли выше, платье, строгаль, заклепывалъ, долбилъ, клеилъ и ладилъ было нужно все, что ВЪ походномъ хозяйствъ. Какъ комнатный, кравчій и постельничій, онъ ставиль чайникъ, варилъ кофе, набивалъ трубки, бъгалъ за виномъ рысью и откупориваль бутылки, стлаль солому, покрываль ее простыней рядномъ и клалъ въ голову подушку, а въ ноги халатъ, и прозапасъ еще шинель, чтобы одъться; какъ конюшій и ясельничій, стремянный и кучеръ, онъ ходилъ лошадью когда она была у барина, съдлалъ выбракованнымъ гусарскимъ ee, съдлишкомъ, или закладывалъ въ пошевни;

приспъшникъ, готовилъ онъ ДΟ четырехъ блюдъ: щи, кашу, пирогъ и битки. Верблюдомъ былъ онъ на походъ, когда, шаровары запустивъ ВЪ сапоги навыюнившись разнымъ скарбомъ, мфсилъ грязь мѣрною поступью волкомъ – какъ и гдъ случалось: въ нуждъ, за недосугомъ купить или выпросить то, что ему было нужно; върнымъ псомъ былъ онъ всегда и вся забота его, все назначеніе, состояло въ томъ, чтобы хранить и оберегать, по крайнему разумѣнію господское добро: былъ хомякомъ онъ на **ЗИМНИХЪ** квартирахъ, на стоянкахъ, когда нѣсколько мъсяцовъ постою на мъстъ казались ему въкомъ, и онъ обзаводился въ то время всякою дрянью будто въкъ съ ней жить, того только, чтобы послѣ долгихъ вздоховъ и собользнованій, кинуть все это, когда приходилось выступить въ походъ; бобромъ строителемъ наконецъ Яковъ дълался, если не на каждомъ привалъ, то покрайней-мъръ каждомъ на ночлегь: вилы, два шеста или хворостина, рядно да охабка соломы— и дворецъ готовъ, извольте, ваше благородіе, перебираться!

В. ДАЛЬ